

Малиновое варенье

> Не лишне хотя бы иногда вспоминать, откуда что берется

КОМАНД > ЮЛИЯ СЕРГЕЕВА

ОН ШЕЛ по проселочной дороге. Та была неухожена: изрыта колесами и гусеницами тяжелых сельскохозяйственных машин.

А теперь засохшие после дождя изгибы, подъемы мешали идти. Человек то и дело спотыкался. У него был далеко не прогулочный шаг. Иван Полуэктов – именно так его звали – два дня назад прочитал письмо. Было оно от матери. И теперь вот спешил попасть в деревню, где та до сих пор и жила.

Два дня назад он проснулся у себя дома и никак не мог заснуть. Ночь была душная, густая своей темнотой и как-то давила молчаливой, задумчивой непрозрачностью. Полуэктов поворачивался, поворачивался да и вылез из-под одеяла. Потихоньку, чтоб не разбудить жену, прошел к себе в кабинет. Он уже знал, что делать. Когда выдавались такие тяжелые, неуютные бессонные ночи, Полуэктов всегда начинал шарить в своем маленьком книжном шкафу. Хватал первую попавшуюся книжку и читал до тех пор, пока его опять не сморит сон. Но прочесть он тогда ничего не успел. Потому что едва взял книгу, как обнаружил там интересную закладку. Роль закладки играло письмо. Оно было от матери. Теперь он вспомнил, почему отложил его – на производстве в свое время случилась какая-то авария, и надо было срочно отъезжать. Он еще подумал: потом прочитаю, да, видимо, забыл. И вот через две недели оно объявилось. Иван вскрыл письмо и стал разбирать неровные, дрожащие строчки, что чуть не затерялись между страницами суетных дней и обыденных занятий.

После двух-трех прочитанных строчек Полуэктов достал сигарету. Закурил.

«Здравствуйте, дорогие мои детки», – начал читать он. Далее шло перечисление всей его домашней челяди, вплоть до тещи. – «Вот решила вам написать. Давно уж от вас не получала писем. И, не дождавшись, решила отправить

вам весточку. Как вы там живете-можете?.. Уж джюе я по вам по всем соскучилась. Как папаня твой умер, Ваня, больно мне уж тут одиноко стало. Соседи Петрашovy заходят иногда. Чего помочь или языком покаякать. Но соседи – они и есть соседи, все ж не родня.

У меня все хорошо. Огородик ухожен. Вон помидоры недавно поднялись. А вот корову продала – силов на нее уже нет. Зато заместо нее завела козу – молока хватает.

Ты как в город уехал, Ваня, да стал важным начальником, я и тревожить тебя стесняюсь. Ты уж не сердчай, что я тебе иной раз лишнее письмо отсылаю. Да только тоска навалилась...

Вот я и занимаюсь бездельем – пишу разные письма. А все полегче – как будто с тобой поговорила. Ты забрал бы меня. Можь, как на машине... Я б и сама... да ноги уже не те. Боюсь, одной до станции не добраться. По дому и огороду еще справляюсь, а вот тут не смогу. Приезжайте, Ваня. Хоть со всей семьей. Я вам тут варенья наварила, компотов всяких, солений понаделала. Я же помню, как ты в детстве варенье-то малиновое из банок ложками таскал. И думал, я не знаю. А я-то видела, что меньше его становится, да молчала. Чего ругаться, раз ты любишь... Забери меня, хоть на недельку две. Хоть с внуками поянчусь...

И еще, чуть не забыла: приедешь, можь, чего поможешь с печкой. Уж больно, гадина, чадить стала. Старая уже. Петрашovy чего-то там пытались поправить... Да где уж им! Я ж говорю: соседи – они и есть соседи...

Далее шло бесконечное перечисление приветов от родственников и знакомых, пожелания здоровья и прочих благ и, наконец, короткое «до свидания».

Да, то варенье Иван помнил. Не зря он тогда его воровал: нигде такого больше не пробовал. Письмо было написано карандашом.

Как научили его маману писать в церковно-приходской школе, так она до сих пор от него отвыкнуть и не смогла. Ни чернильных, ни тем более шариковых ручек не признавала.

И вот когда Полуэктов то письмо прочел, понял – надо навестить родные места. Неохота, правда... Да и некогда. Конец месяца... План, как всегда... Но надо. Он и так не ответил. Там еще и печка какая-то... А Витьку, старшего его брата, не дождешься. Все комсомольские, ударные и прочие стройки собрал. Он и сейчас что-то строит на другом конце нашей необъятной родины. С него взятки гладки. В общем, надо ехать.

Дороги своими неровностями как бы укоряли его за долгую разлуку

и отпустил машину – уж больно надоело трястись по беспокойному вздыбленному тракту. Дорога своими неровностями как будто укоряла его... Не хотела пускать в родные места – где ж ты раньше-то был! А еще Полуэктов пошел пешком, чтоб немножко привыкнуть. К воздуху, давно забытому, к запаху трав, к пению полевых птиц. Вышел, чтоб успокоить сердце свое, которое начало трепыхаться все сильнее при виде родных мест, в преддверии встречи с чем-то далеким и в то же время таким близким и знакомым. Чтоб появиться у родного дома не на затеках и полусогнутых после долгой езды ногах, а при высоком росте, уверенной походке и широкой улыбке: «Вот он я, маманя! Здравствуйте!» Словом, Иван ощущал себя спортсменом, которому перед важным соревнованием не мешало бы немножко размяться.

Родная деревня встретила его обыкновенно: коровыми лепешками на обочине дорог, беспокойным кудахтаньем несушек и редкими прохожими, которые обязательно здоровались, хотя и не узнавали высокого, в дорогом костюме,

уже чуть начинающего полнеть мужчину. Собаки его, конечно, не пропустили – обгавкали, как положено. Но особого рвения Иван в их зубоскальстве не уловил. Те брехали как-то лениво, будто для проформы... Чувствовали, наверное, что все же свой. Потому что походка у незнакомца была уверенной – не оглядывался, не спрашивал... А вот к дому Иван подойти не успел. Сосед ему, тот самый Петрашов, повстречался. Дядька Трофим. Сухонький, но еще крепкий старик, чуть прищутив подслеповатые глаза, все же узнал Полуэктова.

– А приехал, – без особых эмоций проговорил тот, как будто Полуэктов сюда каждый день заходил. – Ну, здорова, Ванька, – и протянул руку.

Ладонь у деда была холодная и почему-то потная. Полуэктову это сразу не понравилось. Да и во взгляде Трофима было что-то не так. Прятал он его. Все куда-то в сторону норовил смотреть.

– Быстро ты, однако. Телеграмму только вчера отстукали. А ты уже и прискакал. Вот такие вот дела... – старик как-то неестественно закашлялся и полез в карман.

Начал доставать бумагу, кисет с табаком... Полуэктов протянул сигарету. Он молчал. Он и на работе так же себя вел – будь то хоть начальство, хоть подчиненные. Отмолчится, выслушает... а там дальше уже видно, как что хлебать и под каким соусом. И здесь решил подождать.

Сосед его, дядька Трофим, медленно, не торопясь, размял предложенную ему сигарету. Зажег, затянулся... Опять, как будто закашлялся...

– Ну, давай, давай! Рожай, наконец! – материл его про себя Полуэктов. – Что случилось?!

– Вот так и бывает, – наконец, пробухтел Трофим. – Жил человек – и нету его. Чего умерла-то?.. Печка у твоей мамани была дрянь. Вот и угорела. Надясь заморозки были. Она и затопила. А мы потом смо- трим – чего это ее весь день нет.

То на огороде все время... веники собирает, сорняк то есть рвет. А тут нету... Зашли – а ей ничего уже и не надо. Как спала, так и померла. Задохнулась, то есть. Хорошая смерть, тихая. Хотя когда она хорошей-то была...

Дед Трофим затряс рукой, обжегшись от дошедшего до пальцев сигаретного огонька – видать, волновался сильно, потом аккуратно потушил и положил бычок в карман. Иван молчал. После страшного известия закурил сам: что делать? Хоронить же надо... Оформлять... место на погосте... Потом стол после похорон... Господи, да как же это все навалилось! Он беспомощно зашарил по карманам. Как будто что-то потерял, и, наконец, уткнувшись взглядом в деда, произнес.

– Вы уж помогите с похоронами. Чтob мне легче было. Где она? Дома? – нащупал Иван в кармане бумажник и, не считая, вытащил почти все деньги. Что приехал из-за письма двухнедельной давности, он, конечно, не сказал.

– Уже обмыли. Не беспокойся, Ваня. Все сделали. Иди в дом. Там она, – вздохнул дед и взял деньги. Посчитал, ухмыльнулся, отдал обратно. Почти все.

Сколь Иван не уговаривал – лишнего не взял. «Главное, – говорил Трофим, – ты приехал...»

С того момента Иван ходил, как замороженный. И в похоронной суете, и при встрече со старыми земляками не понять его было. То ли вата, то ли камень. Стукнешь посильнее – провалишься, потише – так отскочишь. Никто внутри не держивался, никого не допускал. И только дома, в избе, как вернулись с кладбища, после первого стакана водки, аккурат возле той самой печки-убийцы, и разревелся. Заскулил так тихо, затрясся плечами и отвернулся лбом к стене, упершись огромными ладонями в шершавую ее поверхность.

– Прости меня! Прости! – как закливание бормотал он.

Наверное, минут пять так и простоял лбом к шершавой стенке. Выпил потом с соседями, другими односельчанами. Чуть отошел. Хотя бы внешне...

А вот как уезжать... дед Трофим всучил Полуэктову трехлитровую банку малинового варенья.

– Да куда мне! – затряс тонким «дипломатом» Иван.

– Бери, бери. Раз дадено. Бери, пока есть. Больше уж маманя варить тебе такого не будет, – и потом, чуть замаявшись, сосед произнес, видать накопело. – Вы ведь как подадитесь в свои небо-скребы, станете городскими, так нас, деревенских, сразу по боку. Вроде мы так себе... Хотя за стол каждый день садитесь и масло на хлеб намазывать не забываете. А откуда это берется – вам уже не интересно. Так вот, Вань, ты иногда вспоминай. Откуда что берется. Чтob в следующий раз опять плакать бы не пришлось.

Последние слова заставили Ивана сунуть трехлитровку под мышку и только потом выйти из дома.

– Только бы не разбить, – подумал он напоследок. – Хотя бы это! ☹

АНДРЕЙ КУДИНОВ

> **Нравственность возникла вместе с пороком. Вильгельм Гумбольдт**